ПЕТРУША СЪ ПАРАНЕЙ.

— Здравствуй, Паранюшка!

— Здравствуй, другъ Петруша. Что, не скажешь ли чего добраго?

— А что я скажу тебѣ добраго, косатка моя, опричь худаго? Нынѣ на свѣтѣ нѣтъ добраго. Вотъ коли ты еще любишь меня, такъ подойди поближе — людей нѣтъ близко никого, да и темно на дворѣ — и скажи ласковое слово — вотъ и добро будетъ.

— Хорошо тебѣ говорить, Петруша, да вѣдь этакъ вѣку не изживешь. Чу! слышь, опять журавли прилетѣли — вѣдь, ужъ это въ третій разъ съ–тѣхъ–поръ, какъ мы съ тобой слюбились; вотъ и пасха на дворѣ, не сколько осталось; люди засылаютъ сватовъ, коли кто худаго на дѣвку не замышляетъ; а кто только ославить хочетъ ее, да покинуть, тотъ себѣ и молчитъ и стережетъ ее за угломъ.

— Охъ, ужъ не кори меня, другъ Параня! и такъ ужъ ретивое надрывается.

Что жъ я дѣлать стану, коли отъ стариковъ да молодымъ просвѣту нѣтъ.... Погодимъ еще, ненаглядная моя, Господь съ ними, за то авось и насъ Онъ непокинетъ; мнѣ тошнѣй тебя: и самого–то себя жаль, и тебя жаль; и на тебя глядя убиваюсь — а дѣлать ничего.

— Хорошо тебѣ говорить, Петруша, на тебѣ все та же шапка.... вѣдь, и у меня также отецъ, мать дома; твои свое, а мои свое: не вѣкъ, говорятъ, тебѣ въ дѣвкахъ сидѣть; пересидишь — ославишься, позору наведешь; на тебѣ сватаются, вотъ такой и такой — чѣмъ не женихи? выходи, не то отдадимъ, не спросимъ. А я что стану говорить? Тебя я и поминать не смѣю.... Такъ–то; вотъ видишь, Петруша, покуда солнце–то взойдетъ, анъ злая роса глаза выѣстъ....

— Паранюшка–душа, не иди за другаго, на грѣхъ наведешь меня, на такой, что загублю я себя.... Что больше муки примемъ, то Господь больше наградитъ насъ съ тобой.... Я вотъ нынѣ опять поговорю старикамъ своимъ, какъ домой

приду, что будетъ.... авось не смилуются ли; вѣдь, я у нихъ одинъ, какъ пёрстъ; не на то же они народили меня, вспоили–вскормили, чтобъ до вѣку, никому на радость и себѣ на горе, меня тупой пилой измочалить.

— Ну иди, Петруша, Господь съ тобой; только — охо–хо, горько мнѣ и не бывать добра, коли этакъ жить намъ, да все ждать–пождать....

— Параня, молись за меня, а я за тебя.... Прощай, моя маковка....

— Прощай, косатикъ мой.... Полно, полно; люди увидятъ.... Прощай!

Пришелъ домой Петруша, сѣлъ у входа на коникъ и вздыхаетъ тяжело; не знаетъ, какъ и начать говорить про такое дѣло, гдѣ не даютъ слова сказать.

— Что, спросилъ отецъ: — нашатался?

— Не нашатаешься съ вами, отвѣчалъ Петруша: — коли ложкой кормите, а стеблемъ глазъ колете.... Какъ ни придешь въ избу, все, кажись, рано, все бы бѣжалъ еще на просторъ.

— Ну, что жъ? вольному воля, а дураку, пожалуй, и двѣ: и своя дурь и чужой худой разумъ. Поди; мы съ матерью тебя не на пріуздкѣ водимъ.

— Батюшка, и ты, матушка, сказалъ Петруша, вставъ и повалившись имъ въ ноги: — такъ привяжите жъ меня къ дому, какъ у людей водится: вѣдь и ты въ мои годы ужь женатъ былъ, а я вотъ все еще по собачьи живу.... Пошлите, ради праздника Христова, ради пресвѣтлаго воскресенія Господня, пошлите свата за Параней....

Отецъ, сидя на лавкѣ у стола, махнулъ рукою и отвернулся, съ трудомъ только удерживаясь отъ вспышки и брани. Мать не утерпѣла, плюнула, встала съ лавки и пошла къ печи.

— Ну, сказалъ Петруша, быстро вскочивъ на ноги и отряхнувъ волосы: — знать такая судьба моя.... либо утоплюсь, либо.... ужь и самъ не знаю, на какой грѣхъ вы меня наведете.... Эхъ, батюшка, матушка! напрасно вы меня съ нею разлучаете; не будетъ отъ этого корысти никакой; а видиму бѣду неминучую

накликаете.... Подумайте жъ вы по себѣ, да вспомяните и меня: отчего же вы не велите мнѣ взять за себя Парашу? Вѣдь не вамъ съ нею вѣкъ коротать, а мнѣ: вы ужь пожили свое — кто вамъ перечилъ? а намъ только-что начинать.

Отецъ и мать перебили его съ сердцемъ сказавъ, что всѣ люди подъ-Богомъ ходятъ, а кому прежде умирать, кому послѣ — этого не угадаешь. Умираетъ-де не старый, а поспѣлый, на каждаго свой вѣкъ положенъ, а мы ничьего не заѣдаемъ. Ты, поросенокъ, такихъ рѣчей не смѣй говорить.

— А что жъ я вамъ сказалъ? началъ опять тотъ: — я словомъ своимъ не убилъ васъ, а вы меня словомъ своимъ корените и губите. Мое слово — что собака на вѣтеръ взлаяла; ваше слово — что изъ тучи громъ грянетъ. Ну вы же сами, бывало, говаривали мнѣ, что пора перебѣситься, пора остепениться, пора невѣсту искать; а теперь третій годъ морите, что душа, изнываючи, мѣста не сыщетъ. Скажите жъ, какую, по вашему, надо взять?

— Вотъ это дѣло ты заговорилъ, такъ дѣло; отца, мать послушаешь — долголѣтенъ будешь. А вотъ посмотри–ка у Ивана Трофимова какая дѣвка во дворѣ, не Парашѣ твоей чета; почему бъ тебѣ ея не взять?

— Хороша она для васъ, и корить ее при васъ не стану, а что по мнѣ, такъ хоть бы ея и не было на свѣтѣ. Нѣтъ, батюшка, матушка, знать вы больно состарѣлись, что молодость свою позабыли.... Не хочу я жить безъ Парани; коли вы ее не велите мнѣ взять за себя — такъ и Богъ съ вами; дай вамъ Богъ стать переживать меня, хоть съ этого часу, какъ я передъ вами стою: не завидна мнѣ жизнь ваша. За хлѣбъ за соль вашу я васъ благодарю, а самъ уйду отъ васъ, словно отъ обиды хозяйской уходитъ изъ дому чужой батракъ, сирота горемычный....

— Дуракъ ты, Петруша! это чему Парашка твоя тебя научила? Куда ты уйдешь, куда дѣнешься? Вѣдь тебя, дурака, найдутъ, да къ отцу же приведутъ, накостылявъ по дорогѣ шею! Аль ты и

вправду забылъ, что у тебя есть отецъ, мать?

— Забыть не забылъ, а коли вы давно ужь отъ сына отступились, такъ ему куда жь дѣваться? И возьму грѣхъ на душу, отрекусь; пострадаю за васъ и на этомъ свѣтѣ, и на томъ.

— Ну, еще таки я тебя, сынокъ, спрошу: чѣмъ же такъ Параша твоя такъ тебѣ показалась? чай ребята нахвалили, да хорошо пляшетъ?

— Не хвалить же вамъ ее стать, коли меня изъ–за нея проклинаете; да безчестить дѣвку вамъ на старости лѣтъ не приходится. Я не для нахвалу женюсь и не про кого, какъ про–себя, и глаза у меня свои и свой царь въ головѣ, каковъ ни есть. Пляска пляской — да съ нею вѣка не проживешь; а съ вами, такъ не знаю кому бы она и на умъ пошла. А хороша Параша тѣмъ, коли хотите знать, что для меня хороша; а кабы всѣмъ одна казалась, такъ, сохрани Богъ, никому бы на свѣтѣ и житья не было. Вотъ она чѣмъ хороша.

— Да кой чортъ она хороша, сказала мать, осердясь: — у нея и складъ–этъ весь свиной; таки вотъ вся въ свою семью уродилась!

— Правда, матушка, потому–что глазъ на глазъ не приходится; а какъ поглядѣлъ я въ воду на свою уроду, такъ и не сталъ другихъ хаять. Такъ бы поглядѣть и всякому на себя, какой кто красивый.

— А были красивы съ молоду, сказалъ отецъ: — и не то, что сами на себя, а ино и люди со стороны глядѣли, а теперь и свой да не глядитъ.

— Пожалуй, твоя воля теперь: тебѣ говорить, а мнѣ слушать; ты наскажешь, что молодъ бывалъ и на крыльяхъ леталъ.

— Вишь ты какой удался, что и отца хаитъ, а тебя дурака отъ мизинца да вотъ какого выкормилъ, что переросъ и меня.

— Да, кормилъ ты меня! Нѣтъ, батюшка, хлѣбъ твой былъ, а я все самъ ѣлъ. Вотъ матушка такъ правда, что кормила и поила; а ты, батюшка, помнишь ли, какъ я малъ былъ, въ зыбкѣ–то, бывало, бока отлежу, да и стану кричать, а ты сейчасъ шапку

подъ–мышку, да и вонъ; надоѣлъ, говоришь. А теперь вотъ такъ коришь, что кормилъ и пѣстовалъ, да хочешь только распоряжаться мною, какъ солдатомъ на ученьи, чтобъ по–слову руки и ноги подымалъ, а безъ твоей воли не моргнулъ, не чихнулъ.

— Да, и могу тобою дуракомъ распоряжаться, потому–что ты сынъ мой, а я тебѣ отецъ; аль ты, можетъ–статься, еще этого и не слыхалъ? Вотъ, жена, полюбуйся на своего баловня: пой, да корми, а выкормишь, такъ вотъ онъ каковъ наострится! Знать ужъ нынѣ вѣкъ такой пошелъ, что яица курицу учатъ. Правда говорится: не рожденъ — не сынъ, не купленъ — не холопъ; а не вспоя, не вскормя, ворога не увидишь. Ну, сынокъ, кабы все это добрые люди слышали, такъ подѣломъ бы на насъ стариковъ подивились, да чай и тебѣ бы что–нибудь сказали.

— Извѣстное дѣло что сказали бъ, коли бъ ты привелъ своихъ: ветошь молодую

траву глушитъ и дохнуть даетъ; а спроси–ка молодую, ей–то каково?

— Ну жена, уродилось у насъ дитя! Хоть дай ему суму съ пирогами, хоть чорта съ рогами — онъ все свое троститъ. Вотъ и сказано, что дѣти удатны — отцу, матери вѣнецъ, дѣти неудатны — отцу, матери конецъ. Чужой сынъ дуракъ — смѣхъ; свой сынъ дуракъ — горе. Нѣтъ, насъ отецъ не тому училъ, мы его боялись; бывало....

— Постой, батюшка, я это дѣло и самъ знаю: какъ тебя дѣдушка училъ — нечего врать, этого не помню; а вотъ какъ ты его училъ, такъ это было за мою память, хоть я тогда и малъ былъ, а помню, ты меня въ тѣ поры не оберегался, чай все думалъ: глупъ еще — анъ вотъ на памяти дѣло сказалось!

— Я давно говорила, что изъ нашего сына не будетъ проку, перебила мать, между–тѣмъ, какъ отецъ замолчалъ, будто воды въ ротъ набралъ. Видно и ему припомнилось недоброе, хоть оно ужъ очень давно было; ему показалось, будто Богъ его караетъ за прошлое. — Я давно это говорила. Дуракъ ты, а не Петруша; а

еще мы хотѣли тебя женить, толкуемъ, словно дѣло какое! Да какая непутная за тебя пойдетъ?

— Вы пойдете искать, такъ, можетъ статься, и не найдете; а мнѣ и искать ненадо, я нашелъ давно: и путная она, и идетъ.

— Мало ли что идетъ, да тебѣ этой брать не велимъ.

— Пожалуй, что сыну бы и не велѣли; а чужому батраку, вотъ хоть бы какъ мнѣ теперь, вамъ непошто заказывать. Вы думаете, возьму я у Ивана Трофимова водовозную кобылу–то? Нѣтъ, не прогнѣвайтесь; хоть вы и говорите о красотѣ, что съ лица не воду пить, однако, не на одно же это дѣло люди женятся, чтобъ жена воду возила. Голову грызть и вы горазды, а своего подбору еще же на меня въ домъ сноху возьмете, такъ мнѣ–то ужъ куда отъ васъ дѣваться будетъ? Лучше жъ я загодя утоплюсь. Отъ Параши два года отлучаете; я все терпѣлъ, все чаялъ, что Господь васъ надоумитъ: чему быть, тому быть, а ужъ Ивана Трофимова корова

не по шерсти мнѣ, не ко двору пришлась. Вотъ и согрѣшишь съ вами, и договоришься до того, что людей хаять станешь изъ–за васъ; а мнѣ что до нея? Богъ съ нею, ходи она въ золотѣ, да меня–то обхаживай.

— Ну что жъ? а ты думаешь только и свѣту, что въ окнѣ? На улицу выйдешь, больше увидишь; не одна твоя Прасковья, не Ивана Трофимова, такъ другая....

— Нѣтъ, батюшка, одна, на одной Богъ указалъ жениться, а не на всѣхъ. Свѣтъ Божій на улицѣ про всѣхъ, а оконце въ избѣ ты про себя вставилъ — вотъ и свѣтъ твой. Подожду я еще, что Богъ дастъ, не поминайте мнѣ только постылыхъ. Коли вѣку мнѣ укоротите — ну, ваша власть, и живите; не стану тогда досаждать вамъ; а коли кто первый изъ васъ передъ Богомъ будетъ, такъ авось святыхъ его за меня умолитъ и другаго умилостивитъ.

— Ну, сказалъ старикъ: — такъ ненадо теперь ни о чемъ и хлопотать, а надо повыждать, когда бы вотъ Богъ прибралъ стариковъ: тогда, вишь, Петруша останется большакомъ въ дому, своя воля будетъ....

Давайте–ка лучше ужинать, чѣмъ горохъ изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпать, да такими рѣчами Бога гнѣвить. У меня и такъ съ вашихъ разговоровъ разломило голову. Садись, сынъ!

— Благодарю; я не хочу.

— Что такъ?

— Да будетъ съ меня, накормили, спасибо, хорошо.

— А что?

— Да такъ; проглотить–то я проглатилъ, да круто, не подавиться бы....

— То–то вотъ, видишь, ты дуракъ чего другому желалъ, то вотъ, того гляди, надъ самимъ сбудется. Вотъ и прикинь на себя, каково другому.

— Объ этомъ я не тужу; давай Богъ такъ; а другимъ бы мои лѣта прожить. Объ этомъ я и самъ молю Бога, чтобъ поверстаться, чтобъ не корили меня: вспоили, вскормили, да сами и сгубили. Это хороша игрушка!

— Поди–ка ты лучше, да напой скотину; ты самъ не вспомнишь, словно и времени не знаешь.

— То–то и дѣло, что я, знать, на одно это и годенъ вамъ; такъ я и не вру, стало–быть, коли говорю, что я батракъ вамъ, кабалёный работникъ, а не сынъ. Скотину я напоить напою, а самъ къ Парашѣ зайду.

— Иди; давно не видался. А что, Петруша, чай тебѣ Прасковья твоя милѣй отца, матери?

— И всѣмъ было бъ мѣсто, коли бъ не было тѣсно; не тѣснота губитъ, а лихота.

— Однако, скажи, не стыдись; говорилъ ты много — и это договорить можно: Параша тебѣ отца, матери милѣе?

— Кто добрѣй до кого, тотъ тому и милѣй. Съ вами вотъ до конца не договорюсь, а много грѣха наберусь; а съ Парашей сойдусь — и плачу да веселюсь.

— Иди жъ, иди, чтобъ не простыло. Посмотримъ, когда–то онъ воротится.

— Здравствуй, Паша!

— Здорово, Петруша. Что, знать, нѣтъ проку?

— Не тужи, Параша, терпи, авось Богъ смилуется.

— Нѣтъ, Петруша, ужъ полно меня томить, а знать по судьбѣ нашей бороной прошли. Не стала бъ я тебѣ пенять, стала бъ выжидать, да вѣдь и у меня волюшка–то не своя. Умолила я еще отца, мать эту святую пропустить, дать погулять мнѣ на дѣвичей волюшкѣ, да ужъ послѣднiй срокъ: на Покровъ ты меня не увидишь съ русой косой — расчешутъ ее и покроютъ....

— Нѣтъ, Параша, сохрани тебя Богъ; этого и не говори!

— Да ужъ такъ, Петруша, я вижу, что такъ будетъ. Два года прошло, а что проку? Отецъ, матъ давно говорятъ: нечего тебѣ на него глядѣть, а надо полюбить другаго.

— А я всѣмъ парнямъ скажу, что я тебя любилъ!

— А я побожусь, что неправда: любилъ бы, такъ бы и не покидалъ.

— Нѣтъ, Паша, полно; не хороша пошла у насъ бесѣда. Прежде у насъ этого не бывало. Брось все, станемъ жить по прежнему; Богъ милостивъ.... Что дѣлать, коли такая пора пришла, что другъ друга со свѣта сживаемъ?... Вотъ отецъ, попрекнулъ

меня нонѣ, самъ сказалъ, что я останусь большакомъ въ дому.

— Этого не поминай мнѣ, Петруша. Это что за надёжа, чтобъ намъ жить, какъ другихъ со свѣту сгонимъ!

— Никого я не сживаю, Параня, сохрани Богъ! И всѣмъ бы, кажись, просторно — а я тебѣ помянулъ только отцовскія слова.... Да что же я дѣлать стану, куда притулю головушку свою, коли и тамъ–то выживаютъ, да и ты еще станешь меня гнать?...

— Ну, полно, Петруша, ступай домой. Чу, вонъ ужъ и пѣтухи поютъ, половина ночи прошла.

— Видно вправду, Параня, разлюбила ты меня, что шлешь домой, да стращаешь пѣтухами.... Бывало мы съ тобою до бѣла свѣта просиживали, другъ другу не надокучивали....

— Поди, Петруша, поди: тогда у насъ не было заботы никакой, не знали мы еще своего горя, а теперя такъ ужъ и сердце не на мѣстѣ. Иди съ Богомъ, утро вечера

мудренѣе; можетъ–статься, надумаешь что, такъ завтра одинъ одному скажемъ.

— Ну, прощай, коли на то твоя воля, а моей–то ужъ у меня нѣтъ нигдѣ. Помолись за меня, да чтобъ Богъ стариковъ моихъ за ночь надоумилъ.

Пришелъ Петруша домой, стучится подъ окномъ:

— Отоприте ворота, аль сыну хозяйскому черезъ тынъ лѣзть?

— Поди, старикъ, отопри, молвила старуха: — что–то сынъ нашъ больно грустно кричитъ.... аль нерадостну вѣсть несетъ....

— Какой тутъ быть вѣсти! крякнулъ отецъ, слѣзая съ печи: — кромѣ той, что мы оба ему синь–порохъ въ глазу. Чай слышала, какія рѣчи онъ давича говорилъ.... Милости просимъ, дорогой гость. Не учили, пока поперегъ лавочки лежалъ, а во всю вытянулся — не научишь. Гдѣ тебя нелегкая по ночамъ носитъ?

— Хорошо, отецъ, видно ты радъ сыну, что такъ его встрѣчаешь. Мнѣ бы въ омутѣ слаще житье, чѣмъ у тебя съ матушкою. Я,

какъ пошелъ, сказался тебѣ куда иду; тамъ и былъ; я не таюсь....

— Будь же ты проклятъ! молвилъ отецъ: — и не ходи у меня въ избу: ложись, какъ собака, гдѣ свернешься....

— Коли ты этимъ меня порѣшилъ, такъ я по васъ Богу помолюсь, помяну отца, мать, которые когда–то были у меня, а теперь ихъ нѣтъ; остался я на свѣтѣ круглой сиротой. Коли клятва твоя правѣе — Богъ меня накажетъ, не спуститъ; коли молитва моя правѣе — помилуетъ и призритъ.

Рано утромъ Петруша пришелъ къ Паранѣ; она вышла, какъ бывало и прежде, а онъ стоитъ и не знаетъ, что говорить, самъ только тяжело что–то вздыхаетъ. Стала она допытываться, да и сама, глядя на него, перепугалась до смерти. Вотъ она и залилась вдругъ слезами и кинулась къ нему, проситъ одного: «говори, говори, за одинъ разъ дорѣзывай, что сталось?»

— А сталось то, что Богъ насъ разсудилъ; не намъ дѣла его разбирать. Поплакать еще разокъ — не миновать, старое горе провожаючи, послѣдній долгъ

отдать, да уже и полно. Отецъ и мать у меня дома оба на лавкѣ лежатъ; я и руки сложилъ имъ и по образу на нихъ положилъ.

— Что ты это говоришь, Петруша? Ты не бредишь, не ряхнулся ты?

— Нѣтъ, Параня, хоть сейчасъ пойдемъ вмѣстѣ, погляди; надо звать кого–нибудь, хоть тётку да куму; надо обрядъ дать, вѣдь я въ домѣ теперь одинъ — и самъ я, Параня, хозяинъ, такъ Богу угодно было — и хлѣба старикъ, царство ему небесное, чай теперь жалѣетъ обо мнѣ — и хлѣба поставилъ много; гляди, вонъ гумно наше....

— Петруша, да ты не бредишь? Какъ же они оба за ночь умерли?

— Отецъ проклялъ меня, сказалъ: будь ты мнѣ не сынъ; мать услышала, да, высунувъ голову въ окно на дворъ, молвила: «я, говоритъ, тебя не нашивала, не раживала, будь ты недобрый чужой!» Живы были еще отецъ, мать въ избѣ этой, да ужь они мнѣ старики чужіе, не отецъ, не мать. Вотъ и сталъ круглой сиротой. Ни отца, ни матери у меня нѣтъ. Остался я на

дворѣ одинъ, палъ ницъ, такъ и лежалъ, все молился, а какъ и чему молился — не помню, а просилъ Бога: не по нашему дѣлай, а по своему; а какъ утре было мнѣ итти на чужу сторону, куда глаза глядятъ, и какъ сталъ я сиротою, то и помянулъ родителей, которые были у меня, въ царствѣ небесномъ, чтобъ Господь не покоралъ ихъ за мои грѣхи.... Вотъ я и сказалъ: разсуди, Господи, чья крѣпче, чья правѣе; накажи и вразуми меня, коли я виноватъ; просвѣти и помилуй, коли такъ разсудишь. Вотъ знать и умолилъ: утромъ просыпаюсь, хочу идти въ люди, хоть и самъ не знаю куда, а къ тебѣ хотѣлъ зайти сказать, что ужъ нѣтъ меня больше и не жди меня — пошелъ въ избу за одёжой — гляжу: отецъ одинъ съ краю лежитъ на путникѣ и будто неживой. Я испугался, ощупалъ его — ужъ и простылъ; я на печь, къ матери — померла и она. Вотъ я и сталъ; оглянулся на иконы, палъ на земь, все хотѣлось помолиться, да не смогу; такъ вотъ и самъ не знаю, что сталось надо мною, ровно одурѣлъ. Вотъ и мнѣ, какъ

теперь тебѣ, все думается, не померещилось ли, не мана ли какая нашла; оглянусь — оба лежатъ неживые.... Опять хочу молиться, да и не смогу, не знаю, какую молитву буду читать.... Я перекрестился, сталъ класть поклонъ за поклономъ, всталъ опять, перенесъ покойниковъ на лавку подъ образа, далъ имъ по иконѣ святой, да вотъ и пришелъ къ тебѣ....

Вскорѣ узнали на всемъ селѣ, что отецъ и мать у Петра въ одну ночь скончались. «Знать не захотѣлъ Господь допустить ихъ до большаго грѣха», говорили люди. — «Состарѣлись, такъ и померли», говорили тѣ, которые ничего не знали. Пришли кумы да тётки, обмыли и обрядили их, какъ слѣдуетъ, а на другой день прилично похоронили. «Для чего же насъ Богъ этакъ разсудилъ», думалъ про-себя Петруша, провожая родителей: «не-ужъ то бы намъ, живучи по-людски, да по-Божью, тѣсно бъ стало на бѣломъ свѣтѣ? Его святая воля!»

— Какъ же ты теперь, бѣдный Петруша, станешь хозяйство вести, одинъ какъ

пёрстъ? спрашивали добрые люди, и Петруша, не обинуясь, сказалъ, что одному домъ вести нельзя, а надо выждать святую, да взять добрую хозяйку. Надо принимать отцовское тягло.

— Вотъ что, Петруша, молвилъ одинъ сосѣдъ: — ты приходи–ка опосля, да спросись, сиротинка, у меня; вѣдь я, пожалуй, и сватомъ пойду отъ тебя, такъ я тебѣ на ушко шепну, какую я тебѣ высватаю невѣсту.... А не то, коли захочешь, хошь и мою Настю возьми, коли пойдетъ за тебя.... Да отчего жъ бы ей и не пойти? Ты парень больно смирный, хорошій, самъ себѣ хозяинъ теперь, свое добро есть; слава–Богу — почему не пойти, пойдетъ!

— Петруша, сказала тёткина кума, либо кумина тётка: — вѣдь ты теперь, сердечный мой, одиночка, ты, сиротинушка, загорюешься, какъ тебѣ одному въ дому–то быть? А ты бы вотъ что, послушай меня: ты бы избу–ту заперъ до поры, да перешелъ бы къ тёткѣ; она вѣдь тебѣ своя и баба добрая, знаешь какъ тебя любитъ; она тебѣ

рада будетъ. А мы съ нею сосѣди, такъ ты станешь заходить и къ намъ, самъ знаешь, у меня семья, благодаря Бога, людная и веселая и двѣ дѣвки кровь съ молокомъ, нечего Бога гнѣвить, благодарить надо, этимъ не обидѣлъ; ну, и тебѣ, сиротинушкѣ, все повеселѣй на сердцѣ станетъ, все въ людяхъ душу отведешь, горе размыкаешь....

И Петруша молчитъ, да думаетъ свое. Всякъ себѣ на умѣ, и онъ тожъ. Вотъ какъ пришло время, онъ и подумалъ: «для чего же я стану засылать сватовъ, коли дѣло у насъ давно все слажено, и отецъ, мать Парани давнымъ–давно все знаютъ, и что было и что у насъ положено, потому–что Параня отъ нихъ не таится — и когда они сами отъ этого дѣла не прочь, а ждутъ только, чтобъ мы пришли просить ихъ благословенія?» Вотъ онъ, надумавшись, и пошелъ самъ, надѣвъ новый кафтанъ отцовскій, съ краснымъ кушакомъ, и пошелъ не задами да закоулками, какъ бывало прежде, а прямо, большой улицей: пусть люди глядятъ, кому надо.

Пришедши въ избу, перекрестился онъ, поздоровался, сѣлъ по приглашенію и таки–долгонько молчалъ и разглаживалъ усы. Паранѣ, однако, стыдно стало, она и вышла. Вотъ тогда–то онъ надумавшись, сказалъ: «А что, дядюшка Никита, когда же вы насъ съ Парашей–то благословите?» — Дядя Никита поглядѣлъ на этого гостя и, молвилъ: «А когда надумаетесь, да прійдете, тогда и благословимъ.» Тогда Петруша спохватился, всталъ и, поклонившись, оборотился къ хозяйкѣ, которая шарила въ печи: «А вы, матушка Василиса Степановна?» — Она также разсмѣялась и, отставивъ ухватъ, отвѣчала: «Да ужъ чай не порознь же намъ васъ благословлять, а когда отецъ, тогда и мать. Да что жъ?» сказала она, улыбаясь и глядя на отца: «видно на нихъ–то глядѣть нечего, не знай скоро ли опять надумаются, а жданковъ–то мы много видѣли; верши, что ли дѣло, коли такъ Богу угодно.» Дядя Никита взглянулъ на Петра; этотъ сталъ отвѣшивать поклоны и молчалъ. «Ну, что жъ, молвилъ отецъ, съ

Богомъ; зови дѣвку–ту.» И ударили по рукамъ, спросивъ напередъ Парашу, что можетъ статься, она и не хочетъ идти за Петра. «Хочу» сказала она смѣючись и отвернувшись лицомъ къ печи. «А хочешь, такъ сюда гляди» молвилъ отецъ: «къ печи подъ благословенiе не подходятъ. Ну, натерпѣлись вы, дѣтки — памятуйте это, да творите одно добро на вѣку своемъ, кому сможете. Богъ васъ благословитъ!»

Черезъ недѣлю послѣ этого молодыхъ привезли поѣздомъ въ избу Петруши; молодая хозяйка, вошедши съ нимъ вмѣстѣ напередъ всѣхъ, встрѣчена была его посажеными и обоихъ вмѣстѣ накрыли образомъ; затѣмъ они вмѣстѣ помолились передъ домашними иконами, а тамъ посаженая оборотила молодую хозяйку лицомъ къ поставцу и велѣла проговорить: «чашки, ложки, плошки, всѣ по мнѣ; знайте, что я большуха надъ вами, я ваша хозяйка!»

Такъ–то Параша правду напророчила своему суженому, что Покровъ уже не застанетъ ее въ дѣвичьей косѣ, а что

будетъ у нея коса расплетена и голова покрыта.